

СОЗВУЧИЯ И ПАРАЛЛЕЛИ

В.А.Твардовская

ДОСТОЕВСКИЙ И ЛАВРОВ: СПОР И СОГЛАСИЕ

Петр Лаврович Лавров, видный деятель народнического движения и его идеолог, явно обделен вниманием исследователей Достоевского. Сказалось это и в 30-томном собрании сочинений писателя, где далеко не все упоминания Лаврова в произведениях и письмах Достоевского прокомментированы должным образом. Между тем Лавров оставил свой след в жизни и творчестве Достоевского и, можно сказать, увековечен писателем в его литературном наследии.

Даже если бы у них не было общих знакомых (таких, как Штакеншнейдеры, Я.П.Полонский, А.Н.Майков), Лавров и Достоевский неизбежно познакомились бы на заседаниях Литературного фонда, членами Комитета которого оба являлись с его основания в 1859 г.

Взаимный интерес к друг другу писателя, вернувшегося из ссылки, и преподавателя математики военных учебных заведений, выступавшего с лекциями по философии, был, по-видимому велик. Не удовлетворяясь встречами с Петром Лавровичем на заседаниях Литфонда, в салонах Штакеншнейдеров и Полонских, Достоевский в начале 1860-х гг. бывает и на журфиксах по вторникам у Лаврова. После ареста последнего, на следствии не только домашний учитель дочери Лаврова студент-медик Рюльман, но и находившийся в услужении временно-обязанный крестьянин Лебедев назвали Федора Михайловича среди наиболее частых посетителей дома на Фурштадтской.¹

А ведь Достоевский по возвращению в Петербург был, что называется «нарасхват»: масса старых и новых знакомых жаждала общения с ним. Но даже по его переписке видно, насколько писателю не хватало времени встретиться со всеми, кто его интересовал. Он был загружен не только собственной литературной работой, но и редакционно-издательскими делами по журналам «Время» и «Эпоха». Несомненно, что «полковник полевой и пешей артиллерии», размышлявший над проблемами общественного развития и самосознания личности, поразил воображение Достоевского. Журнал «Время» упоминал о лекциях Лаврова, как явлении незаурядном, отмечая отклики на них (19; 79). Характерна запись в рабочих тетрадях писателя 1862-1865 гг.: «Ну, этого, сам Петр Лаврыч не разрешит, который все знает» (20, 153). Почти-тотально-иронический тон по отношению к Лаврову сродни тому, каким говорил о философе и Н.Г.Чернышевский.²

Еще в 1861 г. в своем журнале (в очерке «Петербургские сновидения в стихах и прозе») Федор Михайлович, рассуждая о странностях русской жизни, говорил о необъяснимых законах, по которым «из мужицкой семьи выходит вдруг поэт, да еще какой; из специального заведения — мыслитель» (19; 77-78). Чувствуется, что в ту пору философ, окончивший Артиллерийское училище, в котором затем преподавал, у Достоевского вызывает чувства ли не восхищение, а названные «странности» внушали уверенность в будущем России.

Спустя десятилетие он уже с раздражением высказывается по поводу упомянутых «необъяснимых законов», «когда штатские лица любят судить о предметах военных и даже фельдмаршальских, а люди с инженерным образованием судят больше о философии и политической экономии» (21; 44).

Думается, образ Лаврова витал перед писателем в пору создания повести «Крокодил» (1864-65 гг.). Лавров здесь — некий символ эпохи реформ, примета неповторимого времени шестидесятых годов. Действие «фантастической сказки» происходит в «самом сердце Пассажа и образованного общества, в двух шагах от той залы, где может быть в эту самую минуту читает лекции сам Лавров.» (5; 183-184)

Имя это упомянуто без каких-либо пояснений, как хорошо известное читателю.³

Лекции Лаврова, с которыми он начал выступать с конца 1850-х годов, были достаточно заметным явлением. В ту пору они воспринимались не с меньшим интересом, чем в середине 1980-х гг. публикации ранее запретных религиозных мыслителей. Философия, бывшая по официальному статусу частью богословия, предстала у Лаврова общественной наукой, имеющей практическое значение⁴.

Запись «русский полковник» в черновиках к «Крокодилу» не кажется случайной. А в окончательном тексте чин полковника мечтает получить нещеп-хозяин крокодила. Он доказывает, что заслужил этот чин своим умом («Я чрезвычайно умный человек и очень хочу быть полковник» — 5; 200-201, 327). Для нынешних читателей эти реплики звучат вроде бы как «вхолостую», но у современников Достоевского и Лаврова они способны были вызвать вполне определенные ассоциации

Рассуждения героя «фантастической сказки» о пользе естественных наук и философии, употребление им характерного для Лаврова выражения («в научном и нравственном отношении»), также невольно напоминают о полковнике-философе. В подготовительных материалах к повести любопытны с этой точки зрения замечания героя, что слово «философ» на Руси есть бранное и означает «дурак» (5; 329). Это прямо перекликается с наблюдением Лаврова о том, что «наше общество связывает со словом философия и философ часто очень

невыгодные представления... У нас называют философом того, кто ведет себя не так как другие, кто пренебрегает приличиями»⁵.

В литературоведении последних лет уже высказана мысль, что Чернышевский не является единственным прототипом героя «Крокодила» — повести, отразившей многообразные впечатления писателя не только от революционно-демократической, но и либеральной публицистики 1860-х гг. Среди источников этих впечатлений стоит назвать и Лаврова.

Отзвук знакомства с ним можно найти и в «Бесах». В пестром сборище «наших», завербованных П.Верховенским, уже выведены военные и среди них — офицер-артиллерист. Между тем ни в нечаевской «Народной расправе», ни в народнических организациях 1870-х гг. военные не принимали заметного участия. Отразив в романе ряд реалий революционного движения на рубеже 1860-70-х гг. Достоевский здесь как бы заглянул в будущее, в народовольческий период с его кружками военных. Не способствовало ли этому предвидению знакомство с полковником-артиллеристом Лавровым? На глазах писателя он все более втягивался в политическую борьбу, не удовлетворяясь чисто просветительской деятельностью.

С 1861 г. Петр Лаврович сближается с Чернышевским, завязывает связи и с тайным обществом «Земля и воля». Не остался Лавров в стороне и от студенческих волнений 1862 г. Правда, его роль здесь была скорее умиротворяющей: он увещевал молодежь от преждевременной и ненужной активности на улицах столицы. В полицейских же донесениях (как и в ряде работ советских историков) Лавров предстает вожаком и подстрекателем студенческих беспорядков. С 1862 г. за ним установлено «строгое негласное наблюдение».⁶ Это означало, что в поле зрения III отделения оказывались все знакомства и связи Лаврова, в том числе и посетители журфиксов в его доме на Фурштадской, а среди них — и Федор Михайлович, сам состоявший под надзором как бывший каторжник.

Между тем позиции Лаврова и Достоевского все более расходились, все резче обнаруживалась разница в их общественных пристрастиях и идейных стремлениях. Наконец, это привело к открытому конфликту.

7 марта 1865 г. П.Л.Лавров как член Ревизионной комиссии Литературного фонда подал запрос о пособиях, предоставлявшихся фондом Достоевскому, доказывая их неправомерность, поскольку писатель сам являлся членом Комитета, распределявшего эти пособия. 14 апреля запрос Лаврова обсуждался на заседании Литературного фонда, который вотировал доверие Комитету.⁷ Однако 9 мая Достоевский заявил о своем выходе из Комитета. Объясняя этот поступок Е.П.Ковалевскому, председателю Литературного фонда, он с горькой иронией писал о своей «недальновидности»: «и в голову мне не могла прийти мысль, что деньги я получал взаймы не потому единственно, что я как больной нуждался

в них для лечения за границей, а потому, главное, что я сам был членом комитета, следовательно, имел руку, протекцию и т.д.» (28, 2; 153)

Нравы литературной среды в ту пору были строгими, не похожими на те, что царили в советской литературе, где как раз членство в каком-нибудь Комитете (Секретариате) или Комиссии обеспечивало особые привилегии. В прошлом веке руководящий состав Литфонда сознательно устранялся от причастности к материальным благам. Формально Лавров был прав, ставя вопрос о законности неоднократных и крупных пособий члену Комитета.

Но этим членом был Достоевский — с его талантом, с его недавним ссыльным и каторжным прошлым, с его неизлечимой болезнью.

Если иметь ввиду отношения уважения и приязни, сложившиеся у Достоевского и Лаврова, их частые личные контакты на протяжении начала 1860-х гг., выступление Петра Лавровича в Литературном фонде в марте 1865 г. не может не поразить. Повидимому и писатель не был подготовлен к нему, потому и воспринял особенно болезненно.

Конфликтная ситуация в Литературном фонде весной 1865 г. до последнего времени объяснения не получала.⁸ Соответственно и в последнем 30-томном собрании сочинений упоминания о ней в письмах Достоевского остались по сути без комментариев. В «Летописи жизни и творчества Ф.М. Достоевского» сделана попытка прояснить причину выступления Лаврова против Достоевского, но ее вряд ли можно признать исчерпывающей, удовлетворительной. В основе конфликта в Литфонде авторы видят отказ фонда ходатайствовать о пересмотре дела Чернышевского, как это предлагал Лавров: «Очевидно, именно этим отказом и объясняется выпад Лаврова против Достоевского».⁹ Согласимся, что в таком комментарии много неясного. Зная Федора Михайловича, Лавров никак не мог ждать от него активного участия в кампании по защите Чернышевского. Идейные расхождения Достоевского с редактором «Современника» были достаточно известны и не помешали их взаимному расположению — до поры. В конце 1862 г., когда собирались подписи под петицией литераторов в защиту М.И. Михайлова, Достоевский также остался в стороне — подпись дал лишь Михаил Михайлович, его брат. Но это не нарушило отношений с Лавровым.

Почему же Петр Лаврович, столь терпимо относившийся к позиции Достоевского-публициста, редактора «Времени» и «Эпохи», вдруг восстал против него? Почему не протестовавший ранее против выдачи писателю пособий (последнее было взято в июне 1864 г. размером в 1600 руб.) вдруг увидел в этом нечто «незаконное»? Выскажу в качестве гипотезы мысль, что разрыв отношений между Достоевским и Лавровым был связан с упомянутой уже повестью «Крокодил», опубликованной в журнале братьев Достоевских «Эпоха» в марте 1865 г.

кратии, которую писатель воспринимал как «тяжелое, болезненное, но роковое своей исторической последовательностью явление» (21; 25), метил прежде всего в Чернышевского — ее лидера. Повесть рассказывала о проглоченном крокодилом чиновнике, который из его чрева философствует, поучает, пропагандирует, «весь проникнутый великими идеями» «об улучшении судьбы всего человечества». В вещаниях узника мелькают знакомые по публицистике Чернышевского и по роману «Что делать?» выражения: экономический принцип, ассоциация. Заключенный изобретает новую социальную систему и новую теорию экономических отношений. Узнаваем был и образ супруги спутника, не пожелавшей последовать за ним в его узилище, а весело и беззаботно проводившей время в ореоле его славы и всеобщего сочувствия. Узнаваемым было и место происшествия — Пассаж, где читали публичные лекции Чернышевский и Лавров.

Привыкший к эзоповскому языку русский читатель соответственно и прочел «фантастическую сказку» Достоевского, восприняв ее как аллегорию, направленную против Чернышевского и других представителей демократического стана. Это подтвердил автору, в частности, Н.А. Некрасов, засвидетельствовав, что в окружении «Современника» «Крокодил» был понят именно так (21; 24). Так, по-видимому, прочитал «Крокодила» и Лавров. Возможно он имел случай познакомиться с повестью еще до выхода ее в свет, возможно получил представление о ней от знакомых сотрудников «Эпохи». Но его резкая перемена отношения к Достоевскому, думается, связана именно с этим произведением.

Сам писатель осознавал мартовский инцидент в Литературном фонде весной 1865 г. как вызванный политическими причинами. Спустя годы, в письме к А.Н. Майкову в апреле 1871 г. он ярко передал ощущение своей чужеродности в Литературном фонде, где его убеждения не находили сочувствия. «Будь пострадавший-больной, искалеченный физически и нравственно-вечный труженик, они плюнут, а не помогут. А будь нигилист, сейчас вспоможение дадут. Вы вспомните, из кого там состоит Комитет!» (29, 1; 195). В Комитет Литературного фонда входили демократически и либерально настроенные литераторы-сотрудники чуждых Достоевскому изданий — Дело», «Отечественные записки», «Вестник Европы».¹⁰

Писатель был отчасти прав, утверждая, что политика вторгалась в дела литературные, прямо влияя на помощь литераторам. Однако Федор Михайлович несколько сгустил краски: сам участвуя в распределении пособий, он не мог не знать, что давались они людям разной политической ориентации. В частности сам Достоевский активно выступал за предоставление помощи именно демократически настроенным литераторам, сострадая их бедственному положению (А.П. Щапову, П. Чубинскому). Да и только ли политика (как можно понять и из

«Летописи жизни и творчества Ф.М. Достоевского») развела в разные стороны Федора Михайловича и Лаврова?

Повесть «Крокодил» явилась в период подавления самодержавием демократических сил. Не только приверженцы Чернышевского, но и многие порядочные люди, его взглядов не разделявшие, были возмущены расправой над ним — безгласной и бессудной. В русской литературе не принято было высмеивать гонимых и преследуемых. Аллегория, где подвергался осмеянию узник, ведущий проповедь «света и правды», не могла не оскорбить нравственного чувства. То, что она вышла из-под пера автора «Записок из Мертвого дома», делало эту «аллегорию» еще более противоестественной.

С весны 1865 г. пути Достоевского и Лаврова расходятся навсегда. Через год после инцидента в Литературном фонде — в апреле 1866 г. Петр Лаврович был арестован, предан военному суду. Совершив побег из ссылки, он оказался в 1870 г. за границей, пополнив ряды русской эмиграции. Став видным деятелем международного социалистического движения, в Россию он уже более не вернулся. Однако, хотя всякие личные контакты Лаврова и Достоевского прервались, они не теряли друг друга из вида.

Проблемы, которые ставил Лавров еще в ранних философских работах, а затем в «Исторических письмах» (1868-69 гг.) — личность и общество, интеллигенция и народ, нравственность и политика — были проблемами и творчества Достоевского. Решая их с разных позиций, непримиримые идейные противники обнаруживают неожиданные точки соприкосновения в вопросах, которые писатель называл капитальными, вековыми.

И для идеолога народничества и для Достоевского характерны ярко выраженные антибуржуазные настроения: оба считают наступающий на русскую жизнь капитализм злом. Не принимая существующую действительность за нормальный общественный порядок, они противопоставляли ей свой идеал. У Достоевского он складывался как религиозно-этический, у Лаврова — социалистический. Сопоставление их взглядов на будущее устройство, где торжествует истина и справедливость, — тема особая, самостоятельная. Здесь же хотелось бы обратить внимание на некоторые соображения, касающиеся самой значимости общественного идеала, представляющиеся актуальными.

Вместе с развенчанием казенного идеала, насильственно навязываемого нашему обществу, в нем заметна утрата идеалов вообще. Десятки лет люди приносили все новые и новые жертвы во имя светлого будущего. Естественной реакцией на это явилось желание жить настоящим. Поиски идеала стали уподоблять расторжению с жизнью, страхом перед ней, бегством от нее — ведь идеал всегда ощущает себя оскорбленным действительностью.¹⁴ И в сегодняшней публицистике, и в выступлениях некоторых государственных деятелей звучит утверждение, что неважно какое именно общество мы строим лишь бы людям

хорошо жилось. Достоевский в свое время спорил с А.Д.Градовским, говорившим нечто подобное. «Пусть лучше идеалы будут дурны, но действительность хороша», — заявлял либеральный профессор. Писатель же был убежден, что без идеалов, то есть « без определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего никогда не может получиться никакой хорошей действительности. Даже можно сказать положительно, что ничего не будет, кроме еще пушей мерзости» (22, 75).

И Лавров также считал осознанный общественный идеал условием движения вперед. Именно он дал ту «формулу прогресса», которая была воспринята разночинской интеллигенцией как высшая цель общественной жизни: «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости».¹² Под этим мог бы подписаться и Достоевский в создании условий для «сильно развитой личности» видевший возможность решения социальных противоречий. Но приближение к идеалу для Достоевского связывалось с самосовершенствованием личности, руководствующейся религиозным сознанием.

Для него, как и для социалиста Лаврова, общественный идеал — не программа для немедленного претворения в конкретно установленные сроки. Это — высшая, руководящая идея — нечто вроде путеводной звезды, социального и политического ориентира, помогающего не сбиться с пути. Лавров по-своему близок Достоевскому ощущением невозможности торопить историю, подталкивать ее. Сколько раз он в своей публицистике в журнале «Вперед» (издававшемся в Цюрихе-Лондоне в 1873-77 гг.) выступал против «революционного зуда», из-за которого на карту ставится революционная сущность. От других идеологов народничества — П.Н.Ткачева, М.А.Бакунина — его отличало сознание необходимости тщательной подготовки к достижению высшей цели, многотрудности и сложности пути к ней. Требования, которые он предъявлял к самим революционерам — их образованности, нравственности, к сознательности народных масс — по сути отодвигали революционные действия в самое отдаленное будущее. В революционной среде сторонники бунтов и заговоров недаром называли Петра Лавровича «филистиром» и «культуртрегером». В образе «идеального нигилиста» Васи́на из романа «Подросток» (1875 г.) с его неверием в немедленную революцию слышны отзвуки взглядов на нее Лаврова, отмеченные в литературе.¹³ Симптоматично, что многие члены кружка Дергачева несогласны с Васиным, а иные даже подозревают его.

Идеал у Лаврова осознается как «цель нравственного развития, как образ, который каждый носит в себе, как требование, к которому приходит наука...»¹⁴ К подобному пониманию роли идеала близок и Достоевский, отвергающий рационализм в общественных отношениях. Писатель доказывал, что всякий, кто стремится к истине и справедливости, должен носить в себе образ Христа. Но для каждого из идейных оппонентов идеал, далекий от осуществления на практике, не есть в то

же время нечто отвлеченное, не имеющее отношение к повседневной будничной жизни. Это, говоря словами Лаврова «побудительное начало деятельности жизненного творчества»: личность, осознавшая высшие цели общественного развития, будет невольно переносить и на низшие, практические цели требования этого идеала.

Анализируя препятствия к претворению идеала, Лавров называл внешние и внутренние, случайные и органические причины, заставляющие личность отступать и отступаться от осознанной высшей цели по имя низших, практических. Здесь и невежество, неподготовленность, слабохарактерность, и бессилие перед существующими общественными формами. Но уже в ранних его работах начала 1860-х гг. звучит уверенность в преодолении разрыва между идеалом и действительностью. А в «Исторических письмах» философ уже не сомневается, что личность, осознавшая высшую идею существования, сможет волевым усилием содействовать ее воплощению.

Достоевскому, также неотступно размышлявшему о путях приближения к идеалу, задача кажется значительно сложнее. Одним из главных своих художественных открытий писатель справедливо считал явление «подполья»: «Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в самоказни, в сознании лучшего и невозможности достичь его, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что все таковы, а стало быть не стоит и исправляться» (16; 329).

В своем художественном исследовании соотношения идеала с действительностью писатель оказывается значительно более строгим реалистом и меньшим романтиком, чем Петр Лаврович, стремившийся опираться на достижения естественных и социальных наук. Размышления Достоевского о разрыве идеала и жизни учитывают то, от чего мысль Лаврова совершенно отвлекается — природу человека, ее сложность и многомерность, громадную силу инерции человеческого бытия и сознания.

Достоевский отмечает свойства русской природы — достаточно широкой, чтобы уважать свой идеал до слез, не теряя его и при последнем падении из виду, и в то же время, неспособной ради него и пальцем пошевелить. Писатель обращает внимание на свойство романтиков-идеалистов все видеть, все понимать и одновременно ничем не брезгать и не терять из виду «полезную практическую цель», которая в итоге одерживает верх над идеалом.

В этом смысле Парадоксалист из «Записок из подполья» (1864 г.) — антитеза не только персонажам романа Чернышевского «Что делать?», как отмечалось в литературе. Он по-своему спорит с Лавровым. В философских лекциях и статьях Лаврова начала 1860-х гг. человек, усвоивший идеи истины и справедливости, но остановившийся перед их осуществлением, предстает как безнравственный, а поступающий вопреки этим идеям — как преступный. Достоевский же рас

крывает трагизм извечной ситуации, в которой идеал существует в сознании личности, как неприменимый к реальной жизни.

В «Исторических письмах» явно ощущается полемика с такой точкой зрения. Да и независимо от авторского замысла, читатель знакомый с творчеством Достоевского, с его героем (или антигероем) — Парадоксалистом — «человеком **русского большинства**», неизбежно ощутил бы столкновение позиций двух мыслителей по кардинальному вопросу бытия, читая в конце 1860-х гг. в народнической «Неделе» «Исторические письма», опубликованные под псевдонимом П. Миртова. Это как будто ему — человеку большинства, мучающемуся в сознании невозможности изменить что-либо в своей собственной и в окружающей жизни философ предлагал простой выход — живи сообразно тому идеалу, «который ты сам себе поставил как идеал развитого человека»¹⁵.

Обманчивую простоту этого «жизненного правила» Достоевский прозревал глубже, чем кто-либо из современных русских мыслителей. Для него путь к истине и справедливости невозможен без огромной внутренней работы личности, воспитания в себе любви к ближнему, готовности к самопожертвованию, самоограничению, терпению. «Будут братья, будет и братство» — убежден писатель, не верящий, что сама по себе смена общественных форм может создать общество равноправных и свободных. Центр тяжести в борьбе за будущее он видит именно во внутреннем мире человека.

Лавров усматривает главное препятствие на пути к идеалу в «громкой силе общественных форм», сокрушение которых и должно создать условия для равенства и братства. В «исторических письмах» особое внимание уделено выработке «критически мыслящих личностей», способных вступить в борьбу с этой «громкой силой» старого порядка. Это по сути тоже программа самосовершенствования, но не религиозного, а революционного.

Современный идеал, по словам Лаврова, требует человека, который свободно развивает в себе и других физические качества, ум, знания, характер, сознание справедливости, уважение достоинства ближнего как своего. Еще в начале 1860-х гг. философ заговорил о людях, способных оказать содействие общественному прогрессу, как о непоколебимых в убеждениях, энергических, исполненных решимости, готовых рисковать.

В «Исторических письмах» — этой настольной книге разночинной интеллигенции 1870-х гг. — требования к двигателям прогресса сформулированы еще более определенно и жестко. Для борьбы за новые, справедливые общественные формы, утверждал автор, «нужны энергические фанатические люди, рискующие всем и готовые жертвовать всем. Нужны мученики, легенда которых переросла бы далеко их истинное достоинство, их действительную заслугу». Личности, борющиеся за идеал, сами должны предстать идеалом «пред толпой» — недостижимым,

невозможным, «но зато их легенда воодушевит тысячи тою энергией, которая нужна для борьбы.»¹⁶

В движении к идеалу, к свету и правде, Достоевский всегда придавал важное значение тем одиноким личностям, которые оказывались способными своей верой, образом жизни, идеями увлечь за собой, объединить вокруг себя других. Эти его герои вполне подходят под определение «критически мыслящих». Но они способны на самопожертвование не только во имя высшей идеи, но и для отдельной человеческой жизни. Писатель не раз обращал внимание на то, что конкретного ближнего труднее любить, чем все человечество.

Многие из требований, предъявленных идеологом народничества к борцам за счастливое будущее, вообще неприемлемы для Федора Михайловича.

Полемика с «Историческими письмами», этим «революционным Евангелием» передовой молодежи, ощущается в романе «Бесы», где был дан диагноз социалистическому движению и прогноз его будущего. Здесь изображены фанатические личности, которые с целью реализовать свои планы идеального общественного устройства претворяют на практике ряд советов Лаврова.

Энергии П. Верховенскому не занимать — он в вечных хлопотах по организации заговора. Вдохновенно трудится над созданием легенд, которые далеко переросли его собственное и его соратников истинное достоинство. «Мы пустим легенды». «Главное — легенды», — как бы вслед за Петром Лавровичем повторяет Верховенский одно из условий успешной борьбы с существующим порядком.

Трудно сказать, что именно послужило источником этих характернейших и симптоматических черт героя романа: Нечаев, явившийся в значительной мере его прототипом или же представление о борцах за общественный идеал, почерпнутые из книги Лаврова, с момента ее появления ставшей своеобразным учебником революционной мысли и этики. Стремясь проникнуть в логику мышления и «кодекса идей» народнической молодежи Достоевский не мог пройти мимо «Исторических писем». (С отъездом Лаврова в эмиграцию подлинное имя автора книги было широко известно в среде интеллигенции). Книга, говорившая о неоплатном долге образованного общества перед народом, вызвала самый горячий отклик в среде разночинской молодежи. Один из лучших ее представителей вспоминал, как «падали при чтении ночью наши горячие слезы идейного энтузиазма, охватывавшего нас безмерною жаждою жить для благородных идей и умереть за них».¹⁷

Когда позднее, в «Дневнике писателя» Достоевский анализировал истоки революционного социалистического движения и говорил об энтузиазме к добру, который влечет молодежь в его ряды, он, вряд ли мог не учесть воздействие «Исторических писем» (21; 125 и след).

Нечаев, читавший это произведение Лаврова, воспринял ряд его положений как прямые инструкции, явив собой образец энергии, фа

натизма, решимости и использования легенд и мистификаций. Так или иначе идеи Лаврова с конца 1860-х гг. носились в воздухе, которым дышала революционная среда. Достоевский не просто уловил и отразил их. Он показал их опасность, провидев их дальнейшее развитие. Особая роль в романе отведена Ставрогину, который должен был по замыслу П.Верховенского выступить в готовящейся смуте, как истинный царевич, скрывающийся от преследователей. Легенда использовала царистские настроения масс и должна была обеспечить самозванцу их поддержку. Подобного прецедента в революционном движении 1860-х гг. еще не было. Достоевский и здесь как бы заглянул в будущее, провидел появление «царского манифеста» — грамоты от имени царя, использованной в Чигиринском деле (1878 г.), с помощью которой революционерам удалось привлечь к своей организации около двух тысяч крестьян Киевской губ.

Для писателя негодные средства достижения цели ставят под сомнение и саму цель, как бы благородна она не казалась. Никогда бы Федор Михайлович не согласился, что для утверждения общественного блага «число гибнущих тут не важно».¹⁸ Для него каждая неправедная, напрасная жертва оборачивалась во зло той высокой цели, которой призвана была служить. Никогда бы он не поддержал жесткое требование Лаврова «жертвовать всем» и рисковать всем для достижения всеобщего счастья. Переступить через заповеди Христа, совпадающие с принципами общечеловеческой морали, для него невозможно. Здесь писатель оказывается на позиции, противоположной революционеру-социалисту.

Разумеется в «Бесах» идет полемика не с отдельными представителями революционной идеологии, а с ней самой. Но отмечая стрелы, пущенные автором в Бакунина, Нечаева, Герцена и Чернышевского, исследователи, как правило, Лаврова во внимание не принимают. В нашей литературе Петр Лаврович всегда выдвигался как некий противовес нечаевщине с ее безнравственностью и беспринципностью, противопоставлялся Бакунину и Ткачеву в области этики.¹⁹ Лавров действительно был более других идеологов народничества озабочен вопросами морали, призывая соратников остерегаться наложить пятно на знамя, которое они подняли. Но революционная деятельность неизбежно требовала нарушения нравственных норм и сколько-нибудь последовательным защитником общечеловеческой этики Петру Лавровичу стать не удалось. Эта непоследовательность идеолога революционного народничества ясно выступает при сопоставлении его взглядов с позицией Достоевского.

Лавров доказывал, что умственное убеждение, только став нравственным, «потребует поступка». Решимость действовать в его понимании неразрывно связана с сознанием нравственной обязанности. И здесь он опять близко сходится с Достоевским, чтобы тут же разойтись. Писатель также признает слитность истинного убеждения и нрав-

ственности. «Спасет себя только тот, кто сможет выработать то самое нравственное ощущение (чувство), которое называют убеждением, — размышляет он в набросках к роману «Подросток» (16; 54) Формула убеждения, может, по выражению Достоевского измениться с жизнью, «но нравственное ощущение этого чувства неизменно на всю жизнь». На этом сходство писателя и революционного философа кончается — критерии нравственности у них разные.

«Только тот нравственный человек, что с помощью самостоятельной критики составил себе более или менее ясное убеждение и решает-ся действовать согласно своему убеждению, — объяснял Лавров еще в своих лекциях начала 1860-х гг. — Действовать, не внося в поступки убеждений — для него безнравственно, а поступать противно убеждениям — преступно».²⁰

Эти принципы раннего Лаврова еще более упрощены в «Исторических письмах», где основой нравственности выступает убежденность и решимость. У Достоевского критерий нравственности значительно более сложен, чем согласие поступка с убеждением. «Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям, — оспаривал писатель характерное для революционной среды мнение, присущее далеко не только Лаврову. — Надо еще непрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения?» — настаивает он (16; 54). Критерий истинности убеждений, а следовательно и нравственности, предлагаемый Достоевским — религия, заповеди Христа. Он по-своему неопределенен: вера Достоевского столь же отличалась от религиозности Каткова или Победоносцева, сколь их идеи от выработанных им самим.

Да и среди революционеров были люди набожные, пытавшиеся обосновать свои взгляды с помощью учения Христа. Но сама постановка вопроса писателем о важности сомнений, о постоянной проверке убеждений на истинность была плодотворна. Она и Лаврову вроде бы не совсем чужда.

В «Исторических письмах» высказаны соображения, так и не прижившиеся в революционном движении, но не потерявшие и поныне своего значения. «Лишь постоянная критика исторического конкретного содержания великих идей, — наставлял Лавров, — может придать личности уверенность, что становясь под знамя, на котором написано громкое слово, личность не преследует призрака или не делается орудием в руках расчетливых и своекорыстных интриганов».²¹

Утверждение, под которым бы мог подписаться и Достоевский, явно противоречило ставке на фанатическую убежденность, и Лавров по-своему устраняет это противоречие, произвольно трактуя соотношения критики и веры. Он вынужден признать, что критика, спутниками которой являются сомнения, колебания, неуверенность, взвешивание «за» и «против», может отнять решимость и энергию. И потому, оказывается, что «критически мыслящим личностям» критика предпи

сывается только для выработки убеждений. Критика нужна «не при наступлении дела, для дела», — пытается объяснить Лавров ее ограниченное применение. Когда же настанет момент открытой схватки и «знамена враждующих партий развернутся и там и здесь» — критика должна уступить место безоглядной вере — «вера двигает горы и только она».²²

Не без влияния таких призывов в революционной среде фанатичная, не знавшая сомнений, вера возобладала над критикой. А в после-революционном обществе критика «исторического конкретного содержания великих идей», объявленных единственно верными и всесильными, вообще исключалась, будучи приравненной к измене, чтобы не лишать строителей коммунизма энергии и решимости.

Достоевский, не признававший в безыдейном человеке полноценной личности, едва ли не первый заметил в русском социалистическом движении «людей, съеденных идеей», придавленных ею как камнем. Не в силах освободиться от поглотившей его идеи, сопоставить ее с жизнью, человек мог только корчиться под ее тяжестью, став жертвой своей фатальной веры. Это и были те самые «мыслящие личности», критически настроенные по отношению к старому строю и фанатически уверовавшие в социалистический общественный идеал, которых призывал в ряды освободительного движения Лавров. Опасность этих призывов Достоевский увидел одним из первых.

В идейном противоборстве Достоевского и Лаврова были свои точки соприкосновения. Их многолетнее противостояние не только позволяет глубже понять каждого. Оно значимо и для истории русской общественной мысли, и для постижения современности.

Примечания.

¹ Нечаев В.Н. Процесс П.Л.Лаврова 1866 г. // Сб. материалов и статей. Вып.1. М., 1921. С.62; Как видно из следственного дела Лаврова Достоевский мог встречаться у него на журфиксах с К.Д.Кавелиным, К.К.Арсеньевым, Н.И.-Утиным, А.Н.Энгельгардтом, И.А.Гончаровым, Штакеншнейдерами и Полонскими. (Там же. С.69)

² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15-ти томах. Т. VII. М., 1960. С.225-227 и след.

³ В современных изданиях, где такие пояснения нужны, они не всегда удачны. Получается, что в Пассаже с лекциями в начале 1860-х гг. выступал «один из вождей и теоретиков революционного народничества» (5; 395), «один из позднейших идеологов народничества» (20; 350). Но в ту пору Лавров таковым не являлся.

⁴ Чернышевский откликнулся на отдельное издание лекций Лаврова («Очерки практической философии. СПб., 1860) Работой «Антропологический принцип в философии», где поставил ряд вопросов текущей жизни. Чернышевский Н.Г. Соч. Т. VII)

⁵ Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения в 2-х томах. Т. I. М., 1961. С.516.

⁶ См. подробнее: Итенберг Б.С. П.Л.Лавров в русском революционном движении. М., 1983. С.59.

⁷ «Особое мнение» П.Л.Лаврова опубликовано в «С-Петербургских ведомостях» 20 мая 1865, №125.

⁸ В едва ли не единственной статье, специально посвященной деятельности Достоевского в Литфонде, выход писателя из членов его Комитета с выступлением Лаврова не связывается. (Заборова Р.Б. Ф.М.Достоевский в Литературном фонде) (Русская литература. 1975, №3).

⁹ Летопись жизни и творчества Ф.М.Достоевского. 1821-1881. Т.2./1865-1874. СПб., 1994. С.18-19.

¹⁰ XXV лет. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам СПб., 1884. С.198-199.

¹¹ См., например Берг М. Лекарство от жизни // Литературная газета. 1994. 19 окт. №42.

¹² Лавров П.Л. Указ. соч. Т.2. С.54.

¹³ Долинин А.С. Последние романы Достоевского. М.-Л., 1963. С.82.

¹⁴ Лавров П.Л. Указ. соч. Т.1. С.457.

¹⁵ Лавров П.Л. Указ. соч. Т.1. С.456 и след.

¹⁶ Там же. Т.2. С. 121.

¹⁷ Русанов Н.С. П.Л.Лавров // Былое, 1907, №2. С.261.

¹⁸ Лавров П.Л. Указ. соч. Т.2. С.121.

¹⁹ Володин А.И., Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г. Чернышевский или Нечаев? М., 1976 С.273, 274; Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. М., 1986. С.215; Итенберг Б.С., Володин А.И. Лавров М. 1981. С.164, 185-186, 200.

²⁰ Лавров П.Л. Указ. соч. Т.1. С.558

²¹ Лавров П.Л. Указ. соч. Т.2. С.230

²² Там же. С.231